

Аветисян Гаяне

В окрестностях Мегри

Генрих спустился по зеленому склону мегринского хребта на тропинку, ведущую к маленькому родничку. Он шел быстрым шагом, обходя густые заросли папоротника, под широкими листьями которого прятались нежные ростки сочной зелени. Здесь, среди развалин крепостей, церквей и пещер, начиналась заповедная зона. Охотиться было запрещено, но он знал несколько мест, где можно было подстрелить кабанчика или косулю. Трофейное ружье за спиной и грубая холстовая сумка – вот и все, что нужно было, вдали от привычного ритма повседневной жизни. Обо всем остальном позаботилась сама природа: переночевать можно было под звездным небом или в пещере, искупаться в одной из бурных горных речек, а утолить голод – ягодами ежевики, бузины или дикой хурмой. Когда Генриху надоедало одиночество, он спускался в одну из деревень, где можно было запастись вином, сыром и лавашем. Порой оставался ночевать на сеновале; если же охота удавалась – веселый пир с шашлыком длился до самого утра. Ему нравилось отшельничать в этом чудесном краю Зангезура, где поворот горного серпантина упирается в небо или резко уводит вниз, где природа настолько причудлива, что кажется дивной. И повсюду – сарьяновские краски!

Возле родника тихо, прохладно. Генрих сел на широкий камень, любуясь яркой палитрой осенних цветов – от желто-розового до багрового. В мягких лучах осеннего солнца платаны и дубовые деревья казались нарисованными. Генриха более всего поражала естественная красота дикого леса. Сравнивая ее с ухоженными деревьями окрестных деревень, он думал о Боге, о его величии и силе, о том, что красота, сотворенная им, ни с чем несравнима.

С нижней поляны, чуть левее родника, раздавались приглушенные голоса. Ему были видны макушки брезентовых палаток. «Туристы», – подумал Генрих. Они приезжают сюда, чтобы увидеть Армению, о которой пишут, спорят и которую совсем не знают. Чтобы узнать ее, а в этом он был абсолютно

убежден, совершенно недостаточно прочесть историю дренего мира и средневековья, научные труды известных ученых. Армению нужно увидеть, полюбить, и тогда она расскажет о себе сама, раскроет свои тайники в древних храмах, на старинных фресках, манускриптах.

Генрих набрал родниковой воды в пластиковую бутылку и пошел в сторону заболоченного участка, от которого по крутому спуску можно было быстрее добраться до трассы. «Уже конец сентября, пора возвращаться домой», – с сожалением думал он, скользя по шелестящему вороху осенней листвы.

Возле трассы не было никого, кроме двух подростков и маленького мальчика, лицо которого показалось Генриху знакомым. Мальчишки стояли возле деревянных ящиков, наполненных виноградом. Малыш что-то прятал под рваной рубашкой. Завидев Генриха, сразу же подбежал. «Это тот немой мальчик», – вспомнил Генрих.

– Что тебе нужно? – спросил он у мальчика.

Тот жестами пытался объяснить, что есть нечто важное. Показывая рукой в сторону гор, он закатывал глаза так, будто нашел сокровище. Сокровище? Сосед Генриха по мегринскому дому, Камо, рассказывал, что в Зангезурских горах полно сокровищ, оставленных персами еще с прошлых веков. Когда-то здесь жили богатые ханы, прятавшие драгоценности в горах. Об этом сосед знал достоверно от своей бабушки из Тебриза. Разговоры о сокровищах забавляли Генриха, но чтобы не обидеть Камо, он соглашался с ним. Да, конечно, в Зангезурских горах полно сокровищ. Просто ему еще не повезло, и он их не нашел.

Генрих достал несколько монет. Мальчик взял монеты, пересчитал и покачал головой. «Мало? Нужно добавить? Ай да мальчик! Какой хитрец!». Получив еще несколько монет, мальчик вытащил из-под рубашки старую немецкую марку.

Генрих растерянно посмотрел на марку, потом улыбнулся и, подмигнув малышу, сказал:

– Оставь себе.

Он неторопливо пошел вдоль шоссе́йной трассы. Мысли, навеянные чьей-то пропажей, вернули его в детство.

Генрих вспомнил себя маленьким мальчиком, вспомнил молоденькую фройлен Эльзу, учившую его немецкому языку. На самом деле учительницу немецкого звали Лизой. Елизавета Штерн. Девушка гордилась немецкими корнями, мечтала уехать в Германию и рассказывала всем о своей прабабушке Матильде фон Шейнфогель, чья фамилия принадлежала знатному баронскому роду. Эту историю доподлинно никто не знал, поэтому Лизе верили и слушали ее охотно. Когда она показывала немецкую открытку с изображением старого замка на опушке баварского леса – ни у кого не оставалось сомнений насчет голубых кровей Елизаветы.

Лиза была хорошенькой. Ее белоснежные накрахмаленные воротнички отличались безупречной чистотой. Она любила все немецкое – от Гете и Вагнера до строгой формы высших чинов Вермахта. Учительница немецкого не была строга, что касалось немецкой грамматики, но очень трепетно относилась к звучанию немецких согласных, произнося имя «Генрих» чуть приглушенно. Так появилось дворовое прозвище «немец». Оно казалось естественной фамилии Бакунц, никак не сочетающейся с белобрысой макушкой, голубыми глазами и скуластым лицом Генриха. «Этот мальчик армянин? Совсем не похож на родителей, скорее, на фройлен Эльзу» – шутили знакомые. Он не обижался на шутки взрослых, но когда подрос – стал с подозрительностью относиться ко всему немецкому, и даже улица Тельмана, на которой он жил с самого рождения и которую любил больше других улиц Еревана, казалась ему выбранной не случайно. Повзрослев, он так увлекся генетикой, что стал настойчиво искать тот самый доминантный ген, который оказался столь коварным. Не найдя ничего подтверждающего из теории наследственности, он готов был поверить в иной генетический код, но при этом никогда никому не задавал неудобных вопросов...

Теперь ему сорок два. Годы пролетели, и будто не было ничего: ни счастливого детства, похожего на рождественскую игрушку, ни доверчивой

юности, порхающей как ночной светлячок, ни наступившей осторожной зрелости. Своей семьей он так и не обзавелся. Родители умерли, оставив в наследство просторную квартиру с высокими потолками на улице Тельмана, которую он продал, купив дом в окрестностях Мегри.

Однажды, на Рождество, он получил поздравительную открытку от фройлен Эльзы из Германии. На открытке не было ни замка, ни баварского леса. Лиза писала, что очень скучает по Еревану и надеется, что когда-нибудь вернется в розовый город. Так она его называла из-за облицовочного розового туфа.

Генрих ускорил шаги. Ему захотелось поскорее добраться домой. Он уже видел перед собой соседа Камо, торопливо идущего навстречу с бутылкой домашней водки. Чтобы он делал без своего соседа, на которого мог спокойно оставить свой дом и сад? В саду они разожгут костер из сухих веток и дров, бросят на угли картошку и желтые початки кукурузы.

– Ну, как сосед, нашел в горах сокровище? – спросит Камо и услышит привычное: «Куда там! Опять не повезло».

Генрих еще раз посмотрел в сторону далеких гор, где остались небесная лазурь и нежность охры осеннего леса. Как же там было хорошо!

Он остановил первый же, проезжающий мимо, грузовик и, на чисто зангезурском диалекте, крикнул водителю:

– Куда едешь, брат? В Мегри?

– Садись, садись, подвезу, – ответил тот добродушно.